

УДК 9(571.53)(-21)

Иркутск времен М. М. Сперанского (1819–1822)

Л. М. Дамешек, И. Л. Дамешек

Иркутский государственный университет, г. Иркутск

Аннотация. Рассматриваются социально-экономические, социокультурные и политические аспекты развития Иркутска как губернского центра накануне ревизии М. М. Сперанского.

Ключевые слова: Иркутск в первой четверти XIX в., население, внешний вид города, местная власть, «борьба партий».

Среди выдающихся государственных деятелей России XIX в. одно из первых мест принадлежит Михаилу Михайловичу Сперанскому (1772–1839 гг.). Безродный выходец из «жеребячьего сословия» (так на Руси презрительно называли представителей низшего православного духовенства), благодаря природному уму и трудолюбию Сперанский в короткий срок сделал блестящую карьеру, познал высочайшие взлеты и горечь падения, оставив по себе память признанного реформатора и выдающегося юриста. Уже в начале XIX в. став одним из ближайших сотрудников императора Александра I, Сперанский выступил с известным сегодня планом государственных преобразований, предусматривающим трансформацию абсолютной монархии в России в конституционную монархию по английскому образцу, введения Государственного совета, министерской системы и принципа разделения власти на законодательную, исполнительную и судебную. В 20–30-х гг. Сперанский возглавил работы по кодификации российского законодательства, завершившиеся публикацией 40-томного Полного собрания законов Российской империи – уникального мирового памятника права. По воле судеб оказавшись в 1819 г. генерал-губернатором в огромном зауральском крае, Сперанский и здесь занялся реформами, благотворное влияние которых сибиряки ощущают и сегодня. Бескорыстное стремление к благу страны надолго остается в людской памяти!

Иркутск, как и большинство сибирских городов, возник в 1661 г. в качестве военно-административного пункта, одной из основных функций которого был сбор ясака с бурятских племен. Однако особенностью Иркутска, отличавшей его от остальных городов Восточной Сибири, стало сочетание тенденций городского развития с наметившимися административными преобразованиями в крае. Уже с 1682 г. Иркутск – центр самостоятельного воеводства, в 1686 г. он утверждается в статусе города, в 1722 г. становится провинциальным, а в 1764 г. – губернским центром. С конца XVIII в. Иркутск – столица огромного Иркутского наместничества, протянувшегося от

Енисея до берегов Тихого океана. Именно этот «административный» аспект породил такой благоприятный факт городской истории Иркутска, как сосредоточение здесь значительного слоя дворян и чиновников, которые своими запросами и потребностями содействовали градообразовательным процессам. Не случайно в момент образования Иркутского наместничества в 1784 г. дворянство в Иркутске составляло 7,1 %, а крестьянство – 7,4 % от общего числа жителей. В начале XIX в. доли купечества и духовенства оставались прежними. Население Иркутска росло быстрыми темпами. Если в конце XVII в. оно исчислялось в 1 тыс. человек, то в 1825 г., т. е. ко времени отъезда М. М. Сперанского из Сибири, в городе насчитывалось уже свыше 14 тыс. жителей. В предреформенную эпоху Иркутск стал самым крупным городом России за Уралом с населением в 28 тыс. человек. В последующее время население Иркутска составляло в 1875 г. 32 600, в 1897 г. – 51 473, в 1917 г. – 90 413 человек. Росту населения Иркутска и увеличению его экономического и административного влияния способствовало выгодное географическое положение. Иркутск с момента возникновения являлся воротами России в Азию, а с возрастанием экономического влияния превратился в форпост Российского государства на востоке.

Город являлся важнейшим коммуникационным узлом Восточной Сибири, в нем заканчивался знаменитый Московский тракт, а вспомогательные ветки его вели на северо-восток – в Якутск и на юго-восток – в Забайкалье, на Нерчинск и Кяхту. Кроме сухопутных дорог имелись еще речные, которые дополняли трактовый комплекс в меридиональном направлении.

Принципиальной особенностью Иркутска стал факт сосредоточения в нем на протяжении всего XIX и начала XX вв. властей трех уровней: городского самоуправления, губернской администрации и Восточно-Сибирского, впоследствии Иркутского, генерал-губернаторства. Эти обстоятельства находили прямое выражение в социальном составе населения города. По официальным данным 1823 г., жители Иркутска делились на следующие группы: духовенство – 481, чиновники – 1147, военные – 5521, купцы – 306, мещане – 4496, цеховые – 1937, мастеровые – 463, дворовые люди – 207, крестьяне – 365.

Наряду с этим с 1727 г. Иркутск являлся и центром Иркутской епархии Русской православной церкви. Это была настоящая «держава», территория которой значительно превышала площадь большинства европейских государств. Соседство и взаимодействие светских и духовных властей на огромной территории в глазах большинства современников придавали Иркутску особый статус, что находило выражение в различных сферах деятельности: дипломатической, экономической, административной, духовной, культурно-бытовой. Г. Н. Потанин, один из лучших знатоков дореволюционной Сибири, отмечал: «Ни один город в Сибири не был поставлен в такие условия, как Иркутск; ни в Томске, ни в Омске никогда не было такого хорошего подбора чиновников, какой был в Иркутске... эти чиновники иногда с университетским образованием... поднимали в местном обществе не только за-

просы внешней культуры, но и приучали его интересоваться и русской литературой, и вопросами общественной и государственной жизни».

Роль Иркутска как центра инициатив важнейших административных преобразований на востоке Российской империи особенно сильно проявилась в XIX столетии. В истории России начало века ознаменовалось вступлением на трон императора Александра I, а в Сибири назначением нового генерал-губернатора – И. И. Селифонтова. Его основной задачей стала разработка проекта административного преобразования Азиатской России. В итоге в 1803 г. было образовано единое Сибирское генерал-губернаторство с центром в Иркутске. В руках генерал-губернатора сосредотачивалась огромная власть. Не случайно, что именно с этого времени генерал-губернатор стал именоваться «хозяином» вверенных его управлению губерний. Впоследствии генерал-губернатор стали называть еще более емким определением – «господин главный начальник края». Огромные полномочия и личностные качества Селифонтова привели к грубому вмешательству генерал-губернатора в дела городского и губернского управления. Жесткому бюрократическому надзору подвергались вопросы снабжения населения продовольствием, деятельность казенных палат и горного управления. Особую ретивость, опираясь на данную ему инструкцию, Селифонтов проявил в стремлении искоренить «дух ссоры и ябеды», якобы исконно присущий сибирякам. Иркутское городское общество в полной мере испытало на себе действенность этого наказа. Увольнения и преследования неугодных чиновников и купечества приобрели масштабный последовательный характер. На практике эта борьба «с ябедой» свелась к замене одних чиновников другими, но лично известными и преданными Селифонтову. В тех же случаях, когда действия «ябедников» приобретали особенно «злостный» характер, Селифонтов требовал «ссылать их в отдаленнейшие места, где беспокойство их не может быть вредно». Так, в 1804 г. Селифонтов как «главный прокурор вверенных ему губерний» потребовал удалить из края непокорного иркутского прокурора С. А. Горновского, осмелившегося подать на генерал-губернатора донос в столицу. Затянувшийся характер приобрела борьба Селифонтова с иркутским гражданским губернатором Б. Б. Леццано, закончившаяся отставкой последнего. На освободившуюся должность по рекомендации Селифонтова был назначен новый гражданский губернатор – Н. П. Картвелин. Однако уже через год Селифонтов охарактеризовал его как человека, не только не имеющего «твердого познания в делах», но даже и не имеющего «охоты заниматься оными».

Характеризуя время пребывания Селифонтова в Иркутске, декабрист В. И. Штейнгейль вспоминал, что тот «явился в Сибирь как вице-рой, все пало ниц и безмолвствовало». Довольно скоро вокруг Селифонтова образовался круг доверенных ему лиц, которые и вершили местное управление. Генерал-губернатор прибыл в Иркутск с сыном и фавориткой мадам Бойе с дочерью. «Отношения сей матери и дочери к отцу и сыну недолго оставались двусмысленными. Тотчас догадались, чрез кого надобно обдeldывать дела, – и обдeldывали, что хотели и как хотели», – писал В. И. Штейнгейль.

Несмотря на отчаянную борьбу с «ябедниками» и «клеветниками», искоренить их полностью Селифонтову так и не удалось. Злоупотребления генерал-губернатора и его окружения породили мощный поток анонимных жалоб иркутского купечества в столицу. В то время это был, пожалуй, единственный способ борьбы с административным произволом. Свободное от бюрократических предрассудков влиятельное иркутское купечество составило весомую оппозицию чиновничеству. А. П. Щапов, определяя деятельность органов городского самоуправления в Иркутске, писал даже о возникновении там «маленькой республики». Тот же Щапов указал, что местная буржуазия боролась с чиновниками за преимущественное право эксплуатировать народ. Это справедливо. Следует, однако, отметить, что независимо от интересов иркутского купечества, эта борьба была направлена на расширение местного городского самоуправления, имела социальный характер. Борьба иркутской буржуазии с властью объективно имела прогрессивное значение, способствовала сплочению и росту оппозиционных настроений в различных слоях общества. В итоге Селифонтов был уволен со службы с запрещением въезда в столицу.

Новым генерал-губернатором Александр I назначил протеже влиятельного тогда А. А. Аракчеева – тайного советника и сенатора И. Б. Пестеля. Последнего нисколько не обрадовала новая должность. Он был прекрасно осведомлен о том, что ни один из его предшественников в Иркутске «не кончил иначе, как вследствие доносов лишившись своего места и пробыв много лет под судом». Однако надежда «поправить свое состояние» (из казны Пестелю было выдано 40 тыс. руб. серебром для уплаты долгов – без залога и процентов) в конечном счете оказалась решающим фактором. Понимая, что из всех сибирских губерний для него наибольшую «опасность» имела Иркутская, которая всем его предшественникам «шею сломала», новый сибирский правитель решил обезопасить себя с этой стороны и для должности иркутского гражданского губернатора найти человека «совершенно надежнейшего». Таким чиновником стал Николай Иванович Трескин, «правая рука Пестеля». За время 13-летнего управления Сибирью сам Пестель провел в крае лишь 10 месяцев. 18 августа 1807 г. он выехал из Иркутска, чтобы больше никогда туда не возвращаться. Все остальные 12 лет он управлял Сибирью, проживая в столице под предлогом борьбы с многочисленными «ябедниками». Управление краем было отдано в руки Трескина, считавшегося «образцом для других губернаторов». Хотя Сибирь и находилась далеко от Петербурга, тем не менее система управления краем, созданная Пестелем в столице, а Трескиным в Иркутске, удивительно напоминала аракчеевские военные поселения Европейской России. Жестокие наказания и мелочная регламентация всех сторон жизни сибиряков – вот один из этапов системы.

Люди инакомыслящие карались немилосердно. Особенно преследовался «сибирский дух ябеды», при этом администраторам было абсолютно безразлично, кто являлся «жалобщиком» – именитые граждане или простые обитатели. По прямому указанию Трескина было сфабриковано два дела

против наиболее влиятельных представителей иркутского купечества – городского головы М. В. Сибирякова и его тестя Н. П. Мыльниковы «как вредных нарушителей общественного спокойствия». По ходатайству Пестеля император предоставил генерал-губернатору право выслать этих людей из Иркутска по собственному «благоусмотрению». В одно прекрасное утро Сибиряков и Мыльников были приглашены в губернское правление, где их ожидало предписание Пестеля о том, что они «как вредные члены общества и составители комплотов против начальства» без суда и следствия ссылаются навсегда: Сибиряков – в Нерчинск, а Мыльников – в Баргузин. Сибиряков, будучи по натуре железным человеком, вынес этот удар, а Мыльникова разбил паралич, и, уже больной, он был отвезен к месту своего заточения. Позднее, пытаясь, вероятно, оправдаться, Пестель в своих бумагах отмечал, что в Нерчинске Сибиряков имел «главную торговлю», а Баргузин был полезен Мыльникову минеральными источниками, поскольку последний страдал «ревматизмом и параличом». Вслед за этим из Иркутска были высланы еще некоторые представители «партии недовольных»: брат М. В. Сибирякова и купец Дудоровский.

Правящий архиерей Иркутской епархии епископ Михаил с возмущением сообщал обер-прокурору Святейшего синода князю А. Н. Голицину о том, что по приказанию одного из ближайших соратников Трескина – нижеудинского исправника Лоскутова – казаки высекли протоиерея местной церкви Орлова.

Воспоминания современников и старожилов Иркутска донесли до нас весьма противоречивые отзывы о Трескине. Наряду с резкой критикой многие из них содержат весьма хвалебные оценки его деятельности, называя Трескина «гениальнейшим администратором», ума и деятельности которого хватило бы на «десять губерний». Особую заслугу Трескина современники видели в том, что он приучил к хлебопашеству и сенокосению кочевых бурят и навел в Иркутске чистоту и порядок. В этих оценках содержится немалая доля истины. Ко времени приезда Трескина в Иркутск город, «известный по своей знатной торговле», имел «вид первобытного состояния». Продуманные планировка и застройка городской черты отсутствовали, и даже на главных улицах и площадях нередко можно было наблюдать «в избытке» не только ветхие, но и «вышедшие из линии строения». Хаотичность застройки городских улиц доходила до того, что зачастую между домами сложно было проехать на обычной телеге. Во время дождей многие пешеходные места города превращались в настоящее болото.

По распоряжению Трескина улицы и площади Иркутска были подняты и высушены, на главных и даже второстепенных улицах проложены гати. Однако, чтобы придать Иркутску «благопристойную наружность», необходимо было прежде всего исправить «кривизну и косину» улиц. Для этого Трескину пришлось проявить не только известную настойчивость, но и изобретательство. Он предписал полицейским чинам осуществлять строгое наблюдение за тем, «чтобы не в плане стоящие ветхие строения не позволять починять», уповая на то, что эта мера заставит нерадивых домовладельцев

перенести дома на новое место «по плану» или продать их другому. Но четырехлетний опыт показал «совершенную неуспешность» исполнения этого предписания: городские жители стали поддерживать разваливающиеся дома изнутри подпорками. Тогда Трескин принимает принципиальное решение о сносе домов, стоящих не по плану. При этом согласия домовладельцев никто не спрашивал. За неполные два года, с 1810 по 1812 г., было разобрано 35 домов.

Спустя много лет старожилы Иркутска вспоминали, как специальная команда, оснащенная топорами и пилами, разбирала и отпиливала углы домов, «сколько нужно по линии улицы». В то время в Иркутске можно было наблюдать удивительную картину, когда полураспиленный дом открытой частью выходил на улицу, а в другой части ютился хозяин с семьей. Исправлению подверглись не только обывательские строения, но и питейные дома, кабаки, многие из которых были «не только не в плане, но даже посреди самих улиц, ветхие и безобразные».

Несомненной заслугой Трескина стало приведение в порядок казенных и публичных зданий губернского центра – в частности, постройка городских запасных магазинов для хранения стратегических запасов хлеба, здания городской полиции, пожарной команды и др.

Правление Трескина в Иркутске хронологически совпало с тяжким испытанием в истории России — Отечественной войной 1812 г. Еще в 1806 г. после указа Александра I об усилении войск, сражающихся с французами, в Иркутске был сформирован батальон добровольцев из 600 человек. Зимой следующего года он отбыл на запад. Многие иркутяне стремились вступить в ополчение и в 1812 г. Но поскольку на территории Сибири ополчения не формировались, «охотникам» (добровольцам) приходилось добираться до Казани и уже там записываться в формирующиеся части. Буквально в первые недели войны в Иркутске было набрано 566 рекрутов, которых снаряжали и проводжали горожане. Наряду с этим в городе проводились общественные сходы, на которых принимались решения о пожертвованиях «для отражения врагов Отечества». В Государственном архиве Иркутской области сохранился список мещан с указанием пожертвованных каждым из них сумм. В сражениях Отечественной войны 1812 г. принимали участие сведенные в одну бригаду Иркутский и Сибирский драгунские полки. Иркутским полком командовал подполковник Южаков, получивший за участие в Бородинском сражении орден Святого Владимира IV степени. Воины полка покрыли себя неувядаемой славой, отличившись в кавалерийской схватке за главную позицию Бородинского сражения – батарею Раевского. По словам военного министра Барклая де Толли, это была «кавалерийская битва из числа упорнейших когда-либо случавшихся». В этой битве полк потерял более 120 человек. Среди участников этого выдающегося сражения отличились и уроженцы Иркутска и губернии – Федор Башкевич, Михаил Харитонов, Иван Таюрский, Алексей Высокий и др. После окончания кампании 1812 г. драгунский полк был направлен на переформирование. В загранич-

ных походах русской армии 1812–1814 гг. принимал участие уже Иркутский гусарский полк.

Очевидно, что именно такое сочетание хозяйственных и патриотических инициатив и методов их осуществления вызывали впоследствии снизводительные оценки деятельности Трескина в Иркутске.

Безусловно, такое мнение имеет право на существование. Однако нельзя забывать и другое – масштабы бесчинства, беззакония и злоупотреблений чиновников. В Иркутске административный гнет ощущался особенно сильно. Здесь «Трескин и закон были синонимы, более: был только Трескин, а закон был далеко, далеко!» – вспоминал современник. Но и в этих условиях среди жителей Иркутска нашлись последовательные противники деспотизма. Одним из них стал известный востоковед (монголовед и китаевед) А. В. Игумнов, вокруг которого образовался кружок единомышленников, недовольных административным произволом Пестеля и Трескина. Хотя на Игумнова и поступали доносы, он не испугался сообщить своим друзьям в столицу о творящихся в Иркутске беззакониях и просил их о заступничестве перед высшими властями. Иркутский мещанин Саламатов рискнул тайком пробраться в Петербург и подать жалобу императору Александру I.

Таким образом, столкновение чиновничьей партии и городского общества в Иркутске в начале XIX в. закончилось торжеством бюрократии. Однако само городское общество не было раздавлено самовластием. Оно протестовало и сопротивлялось всеми возможными для того времени средствами, претензии иркутского купечества на монополию в торговле и власть в крае сохранялись.

В ноябре 1818 г. Комитет министров внял многочисленным жалобам и просил императора назначить в Сибирь нового генерал-губернатора. Безнаказанность местных властей подрывала авторитет самодержавной власти, что было чревато опасными социальными конфликтами. «Темные поборы», взяточничество, казнокрадство снижали платежеспособность сибирского населения, что наносило ощутимый ущерб финансовым интересам империи. Ревизия должна была выявить новые возможности повышения доходности сибирского края, успокоить население и водворить новый порядок в местном государственном аппарате.

Выбор Александра I пал на известного реформатора М. М. Сперанского, служившего в то время пензенским губернатором. В собственноручном письме к Сперанскому император сообщал, что до него доходят «самые неприятные известия насчет управления Сибирским краем». 22 марта 1819 г. последовал именной рескрипт о назначении М. М. Сперанского сибирским генерал-губернатором. Он должен был «сделать осмотр сибирских губерний», обличить всех «предающихся злоупотреблениям», подвергнуть их «законному осуждению». В то же время Александр I предписал Сперанскому «сообразить на месте полезнейшее устройство и управление сего отдаленного края», сделать «оному начертание на бумаге» и самому привезти в Петербург. Сперанский воспринял новое назначение без энтузиазма. Однако он хорошо понимал, что иного пути для реабилитации в глазах императора

и возвращения в столицу нет. Сановный Петербург ожидал от Сперанского решительных действий и «видов государственных».

Путь из Европейской России в Сибирь в начале XIX в. был отнюдь не быстрый и сопрягался с немалыми опасностями в виде многочисленных переправ через бурные и многоводные сибирские реки, число которых доходило до семи в день, «проездов через леса и дичь», сердитую тундру, головокружительных и опасных спусков с гор... (из дневника М. М. Сперанского). 24 мая к исходу дня «почти ночью» Сперанский с сопровождающими его молодыми единомышленниками – Г. К. Репниским, Г. К. Вильде, Ф. И. Цейером прибыл в Тюмень и вступил в управление «сего отдаленного края», являющегося, по мнению большинства современников, «почти частью света». Город произвел на Сперанского «вид печальный», но купечество оказалось «изрядным». Именно именитые тюменские купцы преподнесли Сперанскому хлеб-соль на серебряном подносе. Однако Сперанский принял только хлеб, а блюдо вернул, чем поверг в замешательство всех присутствующих. По мере продвижения вглубь Сибири «вид здешних неустройств» и «железного правления» местной администрации все сильнее «возмущали душу» Сперанского. Приезд ревизора, и тем более генерал-губернатора – очень важное событие в жизни окраины. Однако новому генерал-губернатору не без труда удалось убедить местное население в том, «что жалобы на местное начальство ни составляют преступления и что есть, наконец, возможность их принести». Побывав во время своего путешествия во всех крупных городах Сибири – Томске, Тобольске, Красноярске, Енисейске, Сперанский тем не менее спешит в столицу сибирского края – Иркутск. К тому времени и сам «господин главный начальник края» и члены его экспедиции смертельно устали. «Хотелось оседлости» – пишет в дневнике Сперанский. Однако только спустя три месяца в середине августа 1819 г. Сперанский и сопровождающие его лица прибыли на границу Иркутской губернии – в Нижнеудинск, где были встречены «первым министром» иркутского губернатора Н. И. Трескина местным исправником Лоскутовым. Имя последнего приводило в трепет не только жителей волости, но и было хорошо известно многим сибирским и петербургским чиновникам.

«Все трепетало его взгляда, и терроризм, карающий смертью, не мог бы внушить большего страха», – свидетельствовал известный иркутский историк и общественный деятель В. И. Вагин. Хотя Лоскутов и смог навести во вверенном ему правлению округе порядок: прекратились грабежи и разбои на дорогах, села стали опрятнее, поубавилось пьянство, однако все это было достигнуто путем жесточайшего террора и беспримерной жестокости. Накануне приезда Сперанского он приказал по всей округе отобрать бумагу и перья, дабы население не могло подать жалобу новому генерал-губернатору. Однако на Нижнеудинском тракте, когда Лоскутов уже сопровождал Сперанского, из-за кустов неожиданно вышли два старика с прошениями на голове. Нелегкая миссия им досталась. Очевидно, ввиду близкой кончины общинники выбрали их ходоками по простым соображениям: старикам все равно умирать, не сегодня, так завтра. Пусть умрут, сделав доброе дело для

оставшихся в живых односельчан. Каково же было их удивление, когда рядом со Сперанским они увидели Лоскутова. Ознакомившись с жалобой, Сперанский немедленно приказал арестовать Лоскутова. Тут уж стариков действительно чуть не хватил удар. На коленях они умоляли Сперанского отказаться от этого решения, причитая: «Что ты делаешь, батюшка, ведь это же сам Лоскутов... Как бы тебе за нас худо не было. ...Верно, ты не знаешь Лоскутова».

Между тем Иркутск активно готовился к приезду нового генерал-губернатора. На всех заставах по указанию Трескина были расставлены казачьи разъезды, обязанные незамедлительно извещать обо всех передвижениях Сперанского и принимаемых им в пути решениях. Наконец путешественники поневоле увидели в отдалении долгожданный Иркутск. По замыслу местного начальства, въезд нового генерал-губернатора в город был обставлен торжественно, как никогда. Он сопровождался невиданными ранее иркутскими жителями световыми эффектами и громом оркестров. Иркутчанам надолго запомнилась встреча.

29 августа 1819 г. накануне Александрова дня Сперанский прибыл в Иркутск. Основные сооружения города – Кафедральный собор, Триумфальные ворота и главные улицы – Большая (сегодня К. Маркса) и Заморская (Ленина) – были буквально залиты огнями. На переправе через Ангару гремел оркестр, а среди огромного стечения народа выделялись губернатор Трескин с чиновниками в парадных мундирах и орденах. В дневнике Сперанский так описал впечатления об Иркутске: «Вид освещенного города из-за реки был великолепен». Ввиду отсутствия в городе специального дома для генерал-губернатора – Пестель в этом не нуждался, так как управлял Сибирью из Петербурга и постоянно жил в столице – было решено разместить Сперанского в доме золотопромышленника Е. А. Кузнецова (ныне «дом Сперанского», находится на тыльной стороне иркутского автовокзала). Трескин был столь предупредителен, что лично повез Сперанского через освоенные иллюминацией центральные улицы к месту его проживания. Этот дом располагался отнюдь не в центре, а на окраине города, недалеко от р. Ушаковки. Единственной его достопримечательностью был заброшенный сад, ставший любимым местом прогулок Сперанского и сопровождавших его молодых людей. По воскресеньям Сперанский присутствовал на обедне в приходской церкви, любил выехать за город на речку Каю, а к вечеру за просто заглянуть на огонек к знакомым купцам. Уже много лет спустя старожилы Иркутска вспоминали прогуливавшегося на свежем воздухе в любую погоду высокого, чуть сутулого человека, одетого в простую шинель без всяких знаков отличия, скромную кожаную кепку. Трудно было предположить в этом одиноком страннике выдающегося мыслителя, в обмен на которого Наполеон предлагал Александру I отдать любое из принадлежащих ему государств Европы.

4 сентября 1819 г. Сперанский собрал общее присутствие губернского правления и палат и сообщил им о намерении приступить к ревизии Иркутской губернии на основании сенаторской инструкции. Уже через несколько

дней Сперанский напишет ставшие впоследствии знаменитыми строки: «Если бы в Тобольске я отдал всех под суд... то здесь оставалось бы всех повесить». Кроме того, Сперанский объявил присутствию о создании под председательством Ф. И. Цейера следственной комиссии «по разным предметам губернского, областного и уездного управления». Комиссия эта проработала почти год, завершив свою работу 20 июня 1820 г. – перед отъездом Сперанского из Иркутска. Комиссия занималась раскрытием злоупотреблений, но кроме этого, ею была составлена историческая записка о земских повинностях, записка о хлебе казенных запасных магазинов и ведомость о перевозке хлеба по провиантским магазинам¹⁴.

В первые дни пребывания Сперанского в Иркутске жители не спешили подавать жалобы на местные власти из опасения преследований со стороны бывшего губернатора Трескина. Они боялись, что, отстраненный от должности новым генерал-губернатором, он вернется на свое место и отомстит им. Однако, когда этот страх прошел, жалобы стали поступать в большом количестве. Вскоре в Иркутском казначействе вся гербовая бумага (на которой писались жалобы) была распродана.

Ревизионная деятельность чрезвычайно тяготила Сперанского, который «не мог ей сочувствовать ни по личному своему характеру, ни по прежнему роду занятий». Действительно, реформатору приходилось заниматься тем, что раньше было несвойственно его роду занятий, а именно «разыскивать, преследовать, обличать, ловить преступления». Поэтому очевидно, что Сперанский «устал жить в непрестанных ябедах, следствиях и обвинениях». Положение генерал-губернатора было тем тяжелее, что он видел всю невозможность уничтожить зло, укоренившееся годами.

Проводимая ревизия была более совестливой, нежели формальной, так как Сперанский не мог подходить к этому делу с позиций черствого формализма. Он видел, что злоупотребления, кажущиеся большими с точки зрения закона, в сущности не являлись таковыми. В одном из писем к Столыпину Сперанский отмечал, что закон, одинаково карающий и начальника, и подчиненного – одного за тысячные взятки, другого за рублевые, «здесь не может быть приложен без явной несправедливости». Поэтому, за исключением «самых вопиющих и решительных случаев», Сперанский не отдавал обвиняемых под суд (всех обвиняемых предать суду было бы «просто невозможно»), а ограничивался отстранением их от должности.

Исключив слово «взятки» из лексикона сибирской ревизии, большую часть дел о лихоимстве Сперанский обращал в гражданские дела и приказывал удовлетворять поданные по ним иски. Тем не менее, по замечанию самого Сперанского, «предать суду 200 человек никогда не поздно», однако он не мог решиться на это, не испытав всех средств, чтобы согласить закон с совестью.

Эти слова отражают характер ревизии, основной целью которой было раскрытие злоупотреблений. Кроме того, Сперанский отчетливо понимал, что здесь «дело не во второстепенных и третьестепенных исполнителях... а в

главном виновнике, это – прежде всего, а потом – и здесь суть дела – во всем строе сибирского управления».

Общим следствием было «лихоимство в разных его видах». Число заведенных следственных дел достигло 74, сумма взысканий по которым составила 2 млн 874 тыс. руб. «Все то, что о здешних делах говорили в Петербурге, не только есть истина, но – и это редко бывает – истина не увеличенная», – писал Сперанский к Голицину. Злоупотребления были столь велики, что, по мнению генерал-губернатора, «всякий другой край, менее обильный, был бы подавлен ими совершенно». Взятничество чинов было «почти всеобщим».

В составленном Комиссией регистре о взятках, «вынужденных казаками и урядниками с крестьянских и инородческих обществ», отмечалось, что, например, в Верхнеудинском уезде тайшами, зайсанами и «разными бурятскими начальниками» было незаконно собрано с населения 83 тыс. 388 руб., а с тункинских бурят за три года (до 1820 г.) – до 70 тыс. руб. Эти цифры можно назвать колоссальными, поскольку в Сибири в то время деньги были очень редки и дороги.

По завершении ревизии, 2 губернатора и 48 чиновников были отданы под суд, а всего «обвиняемых по всем следствиям» насчитывалось 680 человек.

В конце 1820 г. генерал-губернатор представил императору краткий отчет о ревизии, в котором обрисовал общий характер злоупотреблений, выявленных в ходе обозрения края. Основными из них были: злоупотребления в порядке заготовления хлеба для провиантских, винокуренных и запасных магазинов, в сборе налогов и т. д.

Более подробно сведения о злоупотреблениях впоследствии были изложены в общем отчете М. М. Сперанского об обозрении Сибири и приложениях к нему.

Первая причина злоупотреблений, по мнению ревизора, состояла в образе управления, «краю этому несвойственном». В числе прочих причин Сперанским были названы недостаток «уставов» для отдаленных мест Сибири, недостаток устройства в волостном правлении, отсутствие общественного мнения, выразителем которого (по Сперанскому) являлось дворянство.

О ревизии в одном из писем к Голицину Сперанский писал (оглядываясь на уже проделанную работу), что это «есть дело временное и повторять ее часто, на сих расстояниях, невозможно».

В это же время Сперанский приступил к более важному, нежели ревизия, делу – разработке проектов сибирских преобразований. Большинство из них обдумывал и писал сам реформатор, однако было и другое, что он за нехваткой времени и отсутствием «наклонности заниматься подробностями» поручал Батенькову (сюда входили сбор сведений и предварительные наброски проектов преобразований). По словам самого реформатора, он не мог обойтись без Батенькова, как «мастер без ученика». Сперанский считал, что «должно обезопасить народ точными правилами и составилось Сибирское учреждение 1822 г.». Разработка сибирских преобразований завершилась к началу 1821 г.

Сибирская реформа 1822 г., разработанная Сперанским в Иркутске при активном участии будущего декабриста – сибиряка Г. С. Батенькова, является одним из наиболее выдающихся событий сибирской истории XIX в. Это был первый российский опыт регионального законодательства, построенного на основе принципа разделения властей, самостоятельной функциональной роли каждой ветви власти в управлении, а также с учетом геополитических особенностей огромного края. Преобразования 1822 г. не только на целое столетие определили структуру сибирской администрации и местного управления, но и оказали влияние на многие важные вопросы жизни края, политики в отношении коренного населения, ссылки, свободы торговли и др.

Современники ожидали от Сперанского «действий выдающихся». Батеньков так выразил свое отношение к иркутскому периоду деятельности Сперанского: «Сибирь должна возродиться... у нас новый властелин, вельможа добрый, сильный и сильный только для добра».

Сибирская реформа, как и большинство преобразований того времени, готовилась в строгой тайне. Иркутск жил размеренной жизнью. Сперанский принимал посетителей, присутствовал на балах и богослужениях, внешне ничто не выдавало огромного внутреннего напряжения этого человека. По воспоминаниям современников, никто не догадывался о том, что в доме золотопромышленника А. Кузнецова, где жил Сперанский, шла интенсивная мыслительная работа.

Во время пребывания в Иркутске Сперанским было разработано 10 законопроектов будущей реформы, составивших «Сибирское учреждение» 1822 г. Это «Учреждение для управления сибирских губерний», «Устав об управлении инородцев», «Устав о ссыльных», «Устав об этапах», «Положение о земских повинностях» и др.

Среди современников и последующих исследователей сибирской деятельности Сперанского существовало устойчивое мнение о том, что первоначальные проекты преобразований, разработанные в Иркутске, были изменены Сперанским при их окончательном утверждении в столице ввиду «традиционной» уступчивости и мягкости автора. Однако никто из исследователей ни разу не привел убедительных доказательств этой точки зрения. Наоборот, последние по времени исследования этой проблемы свидетельствуют о том, что обсуждение проектов реформ в Петербурге не встретило серьезной оппозиции, и в июне 1822 г. они были утверждены Александром I.

Список литературы

1. *Вагин В. И.* Исторические сведения о деятельности М. М. Сперанского в Сибири с 1819 по 1822 год : в 2 т. / В. И. Вагин. – СПб., 1872.
2. *Дамешек Л. М.* Ясачная политика царизма в Сибири в XIX – начале XX века / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1983. – 135 с.
3. *Дамешек Л. М.* Внутренняя политика царизма и народы Сибири XIX – начала XX века : монография / Л. М. Дамешек. – Иркутск : Изд-во Иркут. ун-та, 1986. – 165 с.

4. Дамешек И. Л. Сибирь в системе имперского регионализма (компаративное исследование окраинной политики России в первой половине XIX в.) / Л. М. Дамешек – Иркутск : Оттиск, 2002. – 208 с.
5. Корф М. А. Жизнь графа Сперанского : в 2 т. / М. А. Корф. – СПб., 1861. – Ч. 1–2.
6. М. М. Сперанский: Сибирский вариант имперского регионализма (к 180-летию сибирских реформ М. М. Сперанского) / И. Л. Дамешек, Л. М. Дамешек, Т. А. Перцева, А. В. Ремнев. – Иркутск : Оттиск, 2003.
7. Письма Сперанского из Сибири к его дочери Елизавете Михайловне (в замужестве Фроловой-Багреевой). – СПб., 1869.
8. Прутченко С. Сибирские окраины : в 2 т. / С. Прутченко. – СПб., 1899.
9. Ремнев А. В. Самодержавие и Сибирь. Административная политика в первой половине XIX в. / А. В. Ремнев. – Омск, 1995.
10. Сперанский М. М. Проекты и записки / М. М. Сперанский. – М., 1961.
11. Ядринцев Н. М. Сибирь как колония / Н. М. Ядринцев. – СПб., 1882.

Irkutsk under the Government of M. M. Speransky

L. M. Dameshek, I. L. Dameshek

Irkutsk State University, Irkutsk

Abstract. The authors consider socioeconomic, sociocultural, and political aspects of the development of Irkutsk as the center of the Governorate shortly before the inspection by M. M. Speransky.

Keywords: Irkutsk in the first quarter of the XIXth century, population, visual environment, local authorities, conflicts of opinions.

Дамешек Лев Михайлович

*доктор исторических наук, профессор,
заведующий, кафедра истории России,
исторический факультет
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-05-22
e-mail: levdameshek@gmail.com*

Dameshek Lev Mikhailovich

*Doctor of Sciences (History), Head,
Department of History of Russia,
Historical Faculty
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)24-05-22
e-mail: levdameshek@gmail.com*

Дамешек Ирина Львовна

*доктор исторических наук, профессор,
Педагогический институт
Иркутский государственный университет
664003, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 1
тел.: 8(3952)24-07-00
e-mail: dameshek@rambler.ru*

Dameshek Irina Lvovna

*Doctor of Sciences (History), Professor,
Pedagogical Institute
Irkutsk State University
1, K. Marx st., Irkutsk, 664003
tel.: 8(3952)24-07-00
e-mail: dameshek@rambler.ru*